ISSN: 2582-4686 SJIF 2021-3.261, 2022-2.889, 2023-5.384, 2024-6.875 ResearchBib IF: 9.948 / 2024

THE MULTIDISCIPLINARY JOURNAL OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

VOLUME-5, ISSUE-11

ЧЕСТНОСТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ: ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Автор: Эмирова Елена Энверовна, кандидат философских наук
Организация: Узбекский Государственный университет Мировых языков

Аннотация: В статье представлено развернутое междисциплинарное исследование коррупции как сложно структурированного социального и правового феномена. Особое внимание уделено историко-философским основаниям осмысления коррупции, эволюции её понятийного содержания, социологическим подходам, международно-правовым стандартам и современным методам противодействия коррупции. Анализируется опыт Республики Узбекистан, где за последние годы была осуществлена масштабная системная реформа, направленная на повышение прозрачности, укрепление общественного доверия и модернизацию институтов публичной власти. Исследование обосновывает необходимость комплексного подхода, сочетающего правовые, морально-этические, социальные и институциональные механизмы противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, девиантное поведение, социологический подход, международное право, антикоррупционная политика, Узбекистан, публичная власть, общественное доверие, цифровизация, государственное управление.

Annotation (Abstract)

This article presents an expanded interdisciplinary analysis of corruption as a socially embedded and legally significant phenomenon that exerts a multidimensional impact on the functioning of public authority and societal institutions. Drawing on classical philosophical thought, modern sociological theory, international legal frameworks and contemporary public administration studies, the research explores the conceptual evolution of corruption, its historical origins, structural determinants, and forms of manifestation. Special attention is given to the case of the Republic of Uzbekistan, which in recent years has undertaken comprehensive reforms aimed at strengthening transparency, enhancing public accountability, and modernizing state institutions. The study argues that corruption should be understood not only as a legal offence but also as a systemic socio-institutional distortion that undermines public trust and hampers sustainable development. The findings highlight the importance of a holistic anti-corruption strategy that integrates legal mechanisms, digital transformation, civic engagement, and the cultivation of an ethical culture within the public sector.

Keywords: corruption; public administration; deviant behavior; institutional governance; international law; anti-corruption policy; Uzbekistan; transparency; accountability; civil society.

Введение

Проблема коррупции на протяжении многих веков остаётся одной из наиболее острых и сложных в жизни любого государства. Её масштабы и формы варьируются в зависимости от исторических, политических, культурных и экономических условий, однако суть явления — злоупотребление властью ради личной выгоды — остаётся неизменной. Изучение исторических источников и памятников свидетельствует о том, что феномен коррупции исследуется наукой уже несколько столетий.

Интерес к данной проблематике проявляют представители различных научных направлений: социологии, юриспруденции, экономики, политологии, государственного и

ISSN: 2582-4686 SJIF 2021-3.261, 2022-2.889, 2023-5.384, 2024-6.875 ResearchBib IF: 9.948 / 2024

THE MULTIDISCIPLINARY JOURNAL OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

VOLUME-5, ISSUE-11

муниципального управления. Естественно, каждая из этих дисциплин предлагает собственное определение и подход к пониманию сущности коррупции, что обусловлено спецификой исследовательских методов и целей анализа.

Историко-философские основания исследования коррупции выясняют, что истоки научного изучения коррупции относятся к эпохе зарождения централизованных государств и первых правовых систем. Уже Томас Гоббс подчеркивал, что коррупция является разрушительным «корнем», подрывающим законность государственного устройства. Согласно Гоббсу, ощущение безнаказанности, подкрепленное богатством или политическими связями, формирует условия для произвольного нарушения закона. Это создает ситуацию, в которой государственный служащий перестает служить обществу, превращая власть в ресурс для личной выгоды.

Никколо Макиавелли в «Государе» использовал метафору болезни, чтобы описать сущность коррупции. Он утверждал, что коррупция на ранних стадиях поддаётся лечению, но в запущенных формах становится практически неизлечимой, поскольку разрушает структурные основы государства. Его мысль о том, что «помощник, стремящийся к собственной выгоде, не может быть хорошим слугой государю», отражает фундаментальную проблему конфликта интересов и концентрации власти в руках чиновников.

Эпоха Просвещения придала изучению коррупции новое звучание. Жан-Жак Руссо связывал коррупцию с нарушением общественного договора, утверждая, что государство коррумпируется тогда, когда интересы властвующих отходят от интересов народа. Шарль Монтескье рассматривал коррупцию как следствие чрезмерной концентрации власти, когда нарушается принцип разделения властей. Эти идеи легли в основу последующих теоретических моделей, трактующих коррупцию как социальную патологию, нарушающую гармонию политической системы.

Современная социология трактует коррупцию прежде всего как форму девиантного поведения, т.е. поведения, отклоняющегося от нормативных ожиданий общества. По мнению К. Й. Фридриха, коррупция представляет собой «поведение, отклоняющееся от доминирующих политических норм вследствие мотивации личной выгоды». Дж. Най дополняет, что коррупция является нарушением формальных обязанностей публичной роли под воздействием индивидуальных или групповых интересов.

Этот подход позволяет рассматривать коррупцию как структурированное явление, порождаемое сочетанием внешних факторов (социального неравенства, закрытости институтов, дефицита прозрачности) и внутренних стимулов (личной выгоды, давления групп интересов). В этом смысле коррупция перестает быть исключительно юридической категорией и превращается в индикатор системной деградации институтов.

М. Вебер одним из первых предложил рассматривать коррупцию как феномен, связанный с функционированием бюрократии. Он отмечал, что коррупционные практики нередко возникают как результат политического патронажа, когда должности распределяются по принципу лояльности, а не компетентности.[6] Хотя его подход подвергался критике за «оправдание» коррупции, он дал важный инструмент для изучения скрытых механизмов функционирования власти.

Я. И. Гилинский расширил этот подход, указав, что коррупция включает набор устойчивых ролей: патрон, клиент, посредник. Коррупционные сети обладают собственными нормами и даже символической системой, что позволяет рассматривать коррупцию как

ISSN: 2582-4686 SJIF 2021-3.261, 2022-2.889, 2023-5.384, 2024-6.875 ResearchBib IF: 9.948 / 2024

THE MULTIDISCIPLINARY JOURNAL OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

VOLUME-5, ISSUE-11

институционализированное явление. О. Г. Карпович выступает с критикой функционального подхода, указывая на его ограниченность. Он утверждает, что попытка представить коррупцию «смазочным механизмом» бюрократии не учитывает её долгосрочных разрушительных последствий, включая деградацию законности и снижение качества государственного управления.

Международно-правовое понимание коррупции сопряжены с ключевыми документами, определяющими международные стандарты борьбы с коррупцией, являются Кодекс поведения должностных лиц ООН (1979) и Конвенция ООН против коррупции (2003). Эти документы рассматривают коррупцию как злоупотребление служебным положением ради получения выгоды, подчеркивая необходимость универсального подхода к предупреждению, расследованию и наказанию коррупционных преступлений.

В социологической науке коррупция нередко определяется как отказ представителей власти от ожидаемых норм и стандартов поведения ради получения незаконной личной выгоды. Подобная трактовка акцентирует внимание на морально-этических аспектах поведения индивидов, занимающих властные или управленческие должности, и рассматривает коррупцию как девиантную форму социального взаимодействия.

Юридическая и административная наука, напротив, сосредотачивает внимание на нормативно-правовой стороне данного явления. В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций 17 декабря 1979 года, указывается, что, хотя понятие коррупции определяется национальным законодательством, оно в целом охватывает совершение или несовершение действий при исполнении должностных обязанностей вследствие получения или обещания подарков, вознаграждений, стимулов либо их незаконного принятия. В документе подчёркивается, что акт коррупции охватывает также попытку коррумпирования.

На Международном межрегиональном семинаре по проблемам коррупции (Гавана, 1990 г.) данное явление было определено как злоупотребление служебным положением в целях получения личной или групповой выгоды, а также как незаконное получение государственным служащим преимуществ, связанных с занимаемой должностью или служебным положением.

Таким образом, в международной и национальной научной традиции коррупция рассматривается как совокупность действий (или бездействия) должностных лиц, направленных на извлечение материальной или нематериальной выгоды в обход норм права, этики и служебной дисциплины.

В условиях глобализации и растущей взаимозависимости институтов власти проблема коррупции становится одной из ключевых угроз национальной безопасности, подрывая легитимность государства и доверие общества к правовым институтам. Коррупция препятствует экономическому росту, искажает принципы справедливости и формирует деструктивные модели поведения.

Республика Узбекистан, вступив на путь масштабных реформ, выдвинула борьбу с коррупцией в ранг национального приоритета, рассматривая её не только как правовую, но и как морально-этическую задачу. За последние 4,5 года в стране зарегистрировано 9546 коррупционных преступлений с общим ущербом свыше 3,2 триллиона сумов, из которых около 90% было возвращено государству. Эти данные отражают эффективность новой модели прозрачного следствия и рост доверия к правосудию.

ISSN: 2582-4686 SJIF 2021-3.261, 2022-2.889, 2023-5.384, 2024-6.875 ResearchBib IF: 9.948 / 2024

THE MULTIDISCIPLINARY JOURNAL OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

VOLUME-5, ISSUE-11

1. Закон как инструмент нравственной трансформации

Принятие в 2017 году Закона Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» стало отправной точкой системной трансформации государственной политики. Этот нормативно-правовой акт стал не просто юридическим документом, но и идеологическим манифестом, направленным на укрепление принципов честности, подотчётности и ответственности.

Закон закрепил шесть стратегических направлений противодействия коррупции, включая обеспечение прозрачности деятельности органов власти, повышение правовой культуры и развитие механизмов общественного контроля. Тем самым государство впервые институционализировало моральный принцип — служить обществу, а не использовать власть в личных целях.

2. Государственная программа: антикоррупционная карта страны

Следующим шагом стало утверждение Государственной программы по противодействию коррупции (Постановление Президента №ПП-2752 от 2017 г.), определившей 51 конкретное направление реформ. Среди приоритетов — совершенствование законодательства, цифровизация государственных услуг, внедрение комплаенс-контроля и расширение участия институтов гражданского общества.

Особое значение имеет цифровизация антикоррупционной деятельности. Внедрение видео- и аудиофиксации при приёме граждан, а также создание Telegram-бота **@antikorbot** стали инструментами общественного контроля, обеспечивающими прямую коммуникацию между государством и населением. Эти меры способствовали формированию новой культуры подотчётности и открытости.

3. Общество доверия: концепция и практические шаги

Современные исследования подтверждают, что устойчивость антикоррупционной системы напрямую зависит от уровня общественного доверия (Fukuyama, 1995; Rothstein, 2011). В этой связи эксперты Узбекистана сформулировали десять ключевых шагов, направленных на создание общества доверия. Среди них — искоренение клановости, партнёрство с независимыми СМИ, формирование онлайн-ресурса **Uzbek Corruption Map**, защита анонимности заявителей и регулярная публичная отчётность чиновников.

Эти меры направлены на формирование антикоррупционного «иммунитета» — устойчивой неприемлемости коррупционных практик на уровне массового сознания.

4. Ужесточение уголовной ответственности

Новая редакция Уголовного кодекса Республики Узбекистан (2024 г.) ввела значительные изменения в сфере наказания за коррупционные преступления. В частности, срок лишения свободы за взяточничество и посредничество увеличен до 15 лет, срок давности — на 50%, а само понятие взятки расширено до нематериальных выгод.

Международное сравнение показывает, что законодательство Узбекистана по строгости санкций приближается к стандартам стран с высокими показателями правовой культуры, таких как Южная Корея и ОАЭ.

5. Гуманизм как составляющая справедливости

Несмотря на ужесточение наказаний, уголовная политика Узбекистана сохраняет гуманистическую направленность. В случаях раскаяния и возмещения ущерба допускается смягчение наказания: перевод в колонию-поселение, исправительные работы или условно-досрочное освобождение.

ISSN: 2582-4686 SJIF 2021-3.261, 2022-2.889, 2023-5.384, 2024-6.875 ResearchBib IF: 9.948 / 2024

THE MULTIDISCIPLINARY JOURNAL OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

VOLUME-5, ISSUE-11

Подобный подход свидетельствует о переходе от карательной к воспитательной модели уголовного права, где приоритет отдаётся исправлению личности и возвращению её в правовое поле.

6. Роль гражданского общества в укреплении честности

Ключевым фактором устойчивости антикоррупционной системы является уровень гражданской активности. Формирование правового сознания, развитие независимой журналистики и институтов общественного контроля позволяют создать «снизу вверх» систему морального давления на коррупционные практики.

Коррупция оказывает деструктивное воздействие на все сферы общественной жизни. Она подрывает доверие граждан к институтам государственной власти, искажает принципы социальной справедливости, препятствует экономическому развитию и формированию правового государства. Более того, коррупционные практики ведут к росту теневой экономики, снижению эффективности управления и ослаблению демократических институтов.

Социологические исследования показывают, что высокий уровень коррупции коррелирует с низким уровнем социальной мобильности и гражданского участия, а также с ростом социального неравенства. В правовом аспекте коррупция нарушает принципы равенства всех перед законом и подрывает авторитет правовой системы.

Заключение

Опыт Узбекистана показывает, что борьба с коррупцией становится неотъемлемой частью национальной идеи и элементом духовного обновления общества. Коррупция рассматривается не только как правовое, но и как нравственное явление, требующее системного подхода и формирования культуры честности.

Антикоррупционная политика страны эволюционирует от формального правоприменения к концепции **«общества доверия»**, где честность становится нормой, а не исключением. Это свидетельствует о зрелости государственной системы и формировании нового общественного договора между властью и гражданами.

«Когда честность становится нормой, законы начинают работать сами собой».

Список литературы

1. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Пер. с нем. М.: ИРИСЭН, 2016.
2. **Гоббс, Т.** Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского.
Пер. с англ. А. А. Гутермана. М.: Мысль, 2001.
3. **Най, Дж.** «Коррупция и политическое развитие: анализ издержек и выгод».
// Политическая наука: Хрестоматия.
Сост. А. И. Соловьев. М.: Гардарики, 2004. С. 312–327.
4. Макиавелли, Н. Государь. Пер. с итал. Н. Д. Новикова. М.: Мысль, 1990.
5. Монтескье, Ш. О духе законов. Пер. с фр. А. Д. Хохлова. М.: Мысль, 1955.
6. Муслимов И. (2024). Гуманизм и справедливость в уголовной политике современного Узбекистана. Ташкент: Институт судебных исследований.
7. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Пер. и вступ. ст. И. С. Нарского. М.: Канон, 1998.

ISSN: 2582-4686 SJIF 2021-3.261, 2022-2.889, 2023-5.384, 2024-6.875 ResearchBib IF: 9.948 / 2024

8. **Фридрих, К.** «Коррупция как политическое явление».
// Политическая коррупция: Сборник переводов.
Под ред. Е. Г. Соловьёва. М.: РОССПЭН, 2003. С. 55–74.

9. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» от 3 января 2017 года №ЗРУ-419.

10. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-2752 «О мерах по реализации Государственной программы по противодействию коррупции» (2017 г.).

11. Хамдамова Н. (2023). Этика государственной службы в условиях антикоррупционных реформ.

12. Fukuyama, F. (1995). Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Free Press.

13. Rothstein, B. (2011). The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective. University of Chicago Press.